

МАФИЯ

ЛЮБОВЬ НА КРАЮ ПРОПАСТИ

СЕРИЯ «МАФИЯ. ЛЮБОВЬ
НА КРАЮ ПРОПАСТИ»

ПОЛИ ЭЙР

«Танец крылатых теней»

«Игры теней»

«Тайны теней»

«Иллюзии теней»

«Шрамы теней»

ЯНА ДИН

«Никто, кроме тебя»

«Никто, кроме нас»

ЭММА РАЙЦ

«Нам не светит долго
и счастливо»

АНА РОМА

«Гордые души»

«Темные души»

ПОЛИ
ЭЙР

ИЛЛЮЗИИ ТЕНЕЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Э33

Серийное оформление — *Виктория Давлетбаева*

Иллюстрация на обложке,
оборотах обложки и вклейку — *Ария Лэйр (Lair of Art)*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Эйр, Поли.

Э33 Иллюзии теней / Поли Эйр. — Москва : Издательство АСТ,
2027. — 384 с.

ISBN 978-5-17-184973-3

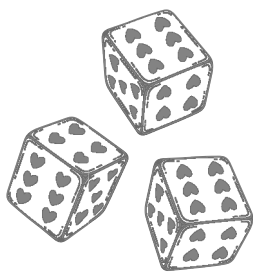
ВИТЭЛИЯ. Я выросла в мире, где власть — воздух, а каждое слово — точно просчитанный шаг. Политика стала моей игрой, хладнокровие — броней. Он появился внезапно. Новый кандидат. Новый риск. Улыбка слишком теплой. Взгляд слишком пронизательный. Словно он видел не только мою маску, но и то, что я давно прятала даже от себя. С ним во мне проснулись чувства, которые я считала мертвыми. И теперь передо мной только один выбор: остаться в безопасной пустоте — или рискнуть всем, чтобы снова почувствовать себя живой.

ДИНО. Моя жизнь — мир, где за каждым решением стоит кровь. Я привык к тьме, но Витэлия стала моим светом — слишком чистым, чтобы прикоснуться. Но судьба сыграла свою игру. Мой брат втянул меня в политику, в то, что я всегда ненавидел. А хуже всего то, что именно она стала моим пиар-агентом. Осторожная, резкая, невозможная. И с каждым ее словом и взглядом я падал глубже. Запреты теряли смысл. Оставалась только она.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184973-3

© Эйр П., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2027

Глава 1

Витэлия

— Какого черта, Брай? — я тихо вздыхаю, запрокидывая голову к потолку.

Этого просто не может быть. Только не сейчас.

Я стараюсь глубоко дышать, пытаюсь сохранить остатки нервов, но это получается чертовски плохо. Скидываю туфли около входной двери и прохожу вглубь дома, прикасаясь к холодной плитке босыми ногами. Ступни отзываются покалыванием — хоть что-то приятное в этот чертов день.

— Витэлия, нам нужно что-то сделать! — протестует мой помощник.

— Я знаю! Насколько все плохо?

Опираясь руками на холодный мрамор кухонного островка, я стараюсь успокоиться и услышать все, что собирается рассказать мне Брай. Дела в моем подпольном казино идут действительно плохо, и я знаю, что это результат *моей* ошибки. Я не должна была подписывать то соглашение, не должна была доверять людям, от которых нужно держаться подальше, но что сделано, то сделано. Теперь поздно жалеть.

— Еще несколько месяцев, и мы будем банкротами. Ставки упали, процент выигрыша повысился. Я не знаю, что за напасть, но многие постоянные гости перестали посещать зал, — тараторит Брай.

Банкротство. Согласитесь, страшное слово, которое может разрушить жизнь и повернуть ее на все сто восемьдесят градусов.

Меня не особо волнуют деньги. Я не останусь на улице без гроша в кармане, ведь мне посчастливилось родиться в одной из богатейших семей. А если быть точнее, то мой дедушка — бывший премьер-министр Италии, сейчас влиятельный сенатор, а папа совсем недавно стал председателем парламента Сицилии. И, конечно же, я пошла по стопам своей семьи.

Но принимать поражения крайне тяжело.

— Я смогу приехать через неделю и посмотреть, что можно с этим сделать. Сейчас действуем по старой схеме.

Брай что-то шепчет себе под нос, а потом произносит одно слово:

— Хорошо.

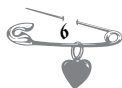
Вывоз прерывается. Бросив телефон на стойку, я смотрю на потускневший дисплей, а на лице появляется грустная улыбка. Нынешняя ситуация очень иронична. Буквально три года назад мое нелегальное казино светилось ярче всех конкурентов в Лас-Вегасе, а сейчас мы гаснем, как свеча на ветру.

Еще немного, и мы упадем, потухнув навсегда.

Я нервно раскачиваю ногой, наблюдая за отцом, Антонио Руссо, который сосредоточенно перебирает на столе множество бумаг. Он — воплощение видного мужчины, которому уже за сорок пять. В белой рубашке, подчеркивающей его загорелую кожу, он выглядит как истинный итальянец. Статные плечи и широкая грудь придают ему внушительность и строгость.

После того как мама погибла, едва я появилась на свет, отец стал самым завидным холостяком. Иногда мне кажется, что он так и не позволил себе полностью пережить эту потерю, хотя старается держаться ради меня. Она оставила глубокий след в папином сердце, но он часто повторяет, что, несмотря на утрату, он обрел гораздо больше — меня. Каждый раз, когда он говорит это, к глазам подступают слезы. Даже сейчас, вспоминая, я стараюсь моргать чаще, чтобы сдержаться эмоции.

Вдруг я замечаю, как его небесно-голубые глаза, такие же, как мои, поднимаются от бумаг и встречаются с моим теплым взглядом. Это удивительное явление — один и тот же цвет глаз передается в нашей семье из поколения в поколение, несмотря на итальянские корни.

— Что такое, дорогая? — спрашивает папа, хмуря брови, но его голос остается мягким, полным заботы.

Я стараюсь собраться с мыслями и отвечаю:

— Все в порядке.

Ничего не говоря, отец с легкостью поднимается с кресла, его движения уверенные и целеустремленные. Он начинает надевать пиджак, аккуратно застегивая пуговицы.

— Сегодня важное собрание. Нужно убедительно выступить. Вся команда рассчитывает на меня, — произносит он, стараясь скрыть волнение, которое, как мне кажется, проскальзывает в его голосе.

Хотя внешне папа выглядит уверенно, я знаю, как сильно он переживает. Отец совсем недавно вступил в должность министра. Я поднимаюсь с кресла, следуя его примеру, и подхватываю бумаги, разбросанные по столу.

— Все пройдет наилучшим образом. А если нет, —жимаю плечами, стараясь развеять напряжение. — То мы устроим вечер дегустации вин.

Папа тихо посмеивается, и в его глазах появляется искорка надежды.

— Спасибо, дорогая. Твоя помощь всегда ценна, — его лицо озаряется улыбкой, которая растягивается от уха до уха.

Дверь позади нас хлопает с гулким эхом, и в кабинет входит Карло Руссо — мой дедушка. Высокий, статный, он несет в себе всю тяжесть и изящество благородства сразу. Его аккуратно подстриженные седые волосы сверкают, будто под светом софитов, и я невольно шуюсь. Безупречно отглаженный костюм сидит на нем идеально, подчеркивая достоинство и годы опыта, которые словно вырезаны в каждой складке ткани. Он всегда выглядит так, будто даже воздух вокруг него замирает.

— Не волнуйся, сынок, — произносит он с легкой улыбкой. — Ты всегда хорошо выступаешь. Я в свои молодые годы тоже участвовал в подобных собраниях. Главное — говорить честно и с душой.

— Так, — вмешивается папа, резко хлопая в ладоши. — Перестаньте успокаивать меня, как маленького истеричного ребенка, — он бросает взгляд на часы. — А теперь давайте пойдем. Нам нельзя опаздывать.

Мы выходим из кабинета и направляемся в главный зал заседаний правительства Италии. Меня переполняет волнение, когда мы проходим мимо строгих лиц сенаторов и министров, которые уже собрались. Я машинально выпрямляю спину, хотя внутри все равно дрожу.

Как только открывается собрание и папа начинает речь, я проваливаюсь в свои размышления под его методичный, ровный голос. Ситуация с казино грызет изнутри, будто острые зубы. Мне нужно что-то делать, но я пока не понимаю, что именно. Вкладывать деньги попросту совершенно не хочется. Есть вариант обратиться за помощью, но один раз я уже это сделала и оказалась на самом дне, в темноте, откуда до сих пор не выбралась до конца.

— Витэлия, — произносит дедушка, и его голос, как всегда строгий и уверенный, вырывает меня из пучины угрызений совести. Я поднимаю глаза и встречаюсь с его пронизательным взглядом. — С завтрашнего дня у нас будет новый член команды и советник. Вам нужно будет заняться его пиар-компанией и помочь благополучно влиться в деятельность и коллектив, — продолжает он, что-то быстро черкая в планере, и уже собирается перейти к другой теме, но я останавливаю его.

— Сенатор! — резко произношу, подаваясь вперед. — Мы можем отдать это дело Ассанте? У меня в ближайший месяц запланировано множество мероприятий, связанных с благотворительностью, — быстро тараторю, одновременно молясь всем богам, чтобы дедушка согласился на мое предложение. Пальцы сами сжимаются в кулаки под столом.

Обучать новичка — последнее, что мне хотелось делать. Мне не нужна еще одна головная боль, когда дела и так идут не слишком гладко.

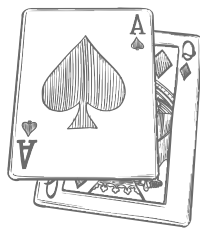
— Синьорина Руссо, — начинает дедушка, и я чувствую, как холодок пробегает по спине от его неодобрительного взгляда. — Вы лучшая в пиар-компаниях, а семья этого человека занимает престижную должность за пределами этого здания. Мы не можем оставить его на кого-то другого, — произносит он с решимостью, давая понять, что его слова не подлежат обсуждению.

Бесцеремонно отмахнувшись от моих доводов легким движением руки, он снова углубляется в обсуждение других вопросов. Дедушка никогда ни в чем мне не отказывал, но, когда дело доходит до политики, он совершенно непреклонен к чарам своей внучки. И это злит меня сильнее, чем я готова признать.

Я с досадой поджимаю губы, чувствуя, как внутри поднимается тяжелая горькая волна.

Меня записали в няньки. Просто отлично.

Глава 2

Дино

Родиться в мафии — тот еще аттракцион. Мой старший брат Марко — дон итальянской мафии. После того как наш отец решил, что ему пора на законную пенсию, Марко занял его место, а мне как среднему сыну перешло место младшего босса. Не поймите меня неправильно: я люблю жизнь, которая у меня есть. Многие видят во мне холодного, отстраненного человека, будто я не связан с делами семьи, но это обманчивое впечатление. На самом деле, запах крови вызывает у меня прилив энергии, а внутренний демон ликует в предвкушении насилия. Я не могу представить себя вне этого мира. Убийства, пытки, власть — все это неотъемлемая часть меня, глубоко вросшая в самую душу, и, если честно, я уже не пытаюсь с этим бороться.

Проходя через двери дома, в котором прошло все мое детство, я чувствую, как меня окутывает привычная атмосфера. В нос сразу бьют ароматы итальянской кухни, смешанные со специями, и это возвращает меня в те беззаботные дни, когда мы с братьями дрались за первую ложку лимонного тарта или пытались решить, кто из нас займет место отца за столом. Удивительно, но именно такие мелочи порой цепляют сильнее всего.

Я не успеваю подняться на второй этаж, как меня окликает Лукас, мой младший брат. Он всегда был источником головной боли.

— Ты что такой серьезный? — широкая улыбка озаряет его белоснежные зубы, и он, словно энергичный ветер, трусцой бежит ко мне.

В моей жизни нет большей занозы в заднице, чем он. И я даже не берусь считать, сколько раз мне приходилось вытаскивать его из неприятностей. Он, кажется, притягивает их, как магнит. Каждый раз, когда я думаю, что брат наконец успокоился, Лукас снова вляпывается в какую-нибудь передрягу, и мне приходится вмешиваться.

— Почему ты не в фирме? — Я вскидываю брови, резко разворачиваясь к нему и скрещая руки на груди. — Марко надерет тебе задницу.

— Наш Мистер Старший брат позвал всех на собрание, и я тоже приглашен. — Лукас вздергивает нос с дерзкой самоуверенностью, и уголки его губ кривятся в наглой ухмылке.

Я тихо вздыхаю, ощущая, как тяжесть оседает в плечах, и направляюсь за ним в кабинет. Наши шаги гулко раздаются по деревянному полу.

— Спокойствие когда-то придет по мою душу? — недоуменно спрашиваю я, глядя на него и пытаясь поймать хоть каплю серьезности в глазах.

Лукас хихикает. И этот звук предательским эхом разносится по коридору.

— Даже не надейся. Я сделаю все, чтобы твоя жизнь никогда не стала такой скучной.

— Я даже не сомневаюсь в этом, — с горечью качаю головой.

Когда мы, наконец, подходим к кабинету, атмосфера становится напряженной и густой, будто воздух здесь плотнее обычного. Марко и его консьюэри Нико сидят за столом из красного дерева, который служит центром наших встреч.

— Вы опоздали, — бросает на нас недовольный взгляд Марко. Его брови сдвинуты, а губы сжаты в тонкую линию.

— Чувак, я ехал сюда, нарушая все скоростные ограничения, — оправдывается Лукас, поднимая руки в знак капитуляции.

Старший брат глубоко вздыхает, и плечи его слегка опускаются, а я готов поспорить, что его терпение на пределе и вот-вот лопнет.

— Заткнись, — произношу я, слегка толкая Лукаса в сторону ближайших двух стульев, чтобы он сел, а сам опускаюсь рядом, чувствуя, как мышцы напрягаются в ожидании.

— Никогда бы не подумал, что тишина станет моим любимым звуком, — стонет Нико, откидываясь на спинку кресла и на мгновение закрывая глаза. — Близнецы сводят меня с ума.

Я не могу не улыбнуться и смотрю на Нико, чувствуя, как уголки губ сами поднимаются.

— Ты был так счастлив, когда Аспен родила, — подмечаю я.

— Я до сих пор этому рад, — признается он, и в голосе его слышится теплая усталость, — но только тогда, когда эти два демона спят или ведут тихий образ жизни. Моя жена берет на себя все заботы, и я безумно благодарен ей за это.

— Никогда бы не подумал, что она станет *твоей* женой, а тем более — матерью *твоих* чертовых детей, — посмеивается Лукас, откидываясь назад с наглой легкостью.

Вдруг Нико резко подпрыгивает с места и хватается брата за галстук, чуть ли не таща его через стол.

Познакомьтесь, это меньшая часть нашей семьи, и у нас действительно безумно весело.

— Аспен — моя жена, дерьма ты кусок, — Нико тянет сильнее, но я вижу лишь самодовольную улыбку Лукаса, которая кажется мне безумно раздражающей.

— А еще она моя подруга, — едва дыша, произносит брат.

— К моему глубокому сожалению, да, и именно поэтому я не могу убить тебя прямо здесь. Я не люблю расстраивать свою жену, — бросает Нико, отпуская Лукаса.

Брат, кашляя, оседает в кресло, словно мигмом лишили всех сил. Воздух в комнате сгущается. Нико, готовясь что-то сказать, замирает на полуслове: громыхнувший хлопок прерывает надвигающуюся бурю.

— Вы находитесь в моем доме! Здесь моя жена и дочь! Проявите хоть немного уважения, идиоты! Хватит этих разговоров

об убийствах. Мили впитает это мгновенно, как губка воду! — рывкает Марко, останавливая парней и ударяя еще раз ладонью по столу.

Тишина повисает в воздухе.

Старший брат, прерывая затянувшееся молчание, спокойно, но с явной усталостью в голосе произносит:

— Банды в Катании и Сиракузах ведут между собой настоящую войну, — его пальцы нервно барабаниют по красному дереву стола. — Они дерутся за влияние, за территории, за контроль над потоками... Черт побери, все это начинается заново.

Нико, медленно потирая подбородок, хмуро бормочет:

— Я же говорил, что нужно было прикончить каждого из них в самом начале! Содрать этот пластырь одним движением — раз и навсегда.

Марко качает головой, и я замечаю, как на его виске пульсирует жилка.

— Мы не можем этого сделать. С ними заключен договор, несмотря на всю эту бессмысленную бойню.

— Мое предложение об устранении всех лидеров до сих пор актуально. Мы можем все подстроить так, чтобы это выглядело как междоусобная резня, — с холодной уверенностью предлагает Нико. — Тем более сейчас самый подходящий момент, когда они грызутся между собой.

— Только не сейчас, — резко отвечает Марко, и его взгляд падает на меня, будто спрашивая моего мнения.

Я чувствую, как внутри все напрягается. Этот взгляд я знаю слишком хорошо: он всегда означает только одно — на меня вот-вот свалится новая головная боль.

— Ты общался с Анчелотти и Раймондо? Нам нужно понять истинный мотив их конфликта. Трафик и территории — слишком слабое объяснение для такой масштабной войны. Это лишь видимая причина. Должно быть что-то еще.

Марко берет стакан с виски, который одним глотком осушает до дна. Я смотрю на него и понимаю: ситуация куда серьезнее, чем казалась на первый взгляд. Если даже он так напряжен, дело действительно дрянь.

— Есть причина... Сын Анчелотти лишил девственности младшую дочь Раймондо, и теперь их отцы дерутся, как разъяренные звери. Этот Анчелотти-младший, кажется, хочет жениться на дочери Раймондо. — Брат тихо вздыхает, и в голосе его звучат усталость и отвращение. — Ненавижу всю эту чепуху с браками и семейными разборками.

Я едва сдерживаю мрачную усмешку. Столько крови, оружия, территорий, и в итоге все опять упирается в семью, гордость и старые понятия.

— Да-да, — хмыкает Лукас, откидываясь на стуле с прежней самодовольной ухмылкой, — сказал человек, который сам пошел против отца и женился на нашей сводной сестре.

— Лия не нашей крови и плоти, — отрезает Марко, сжимая кулаки на столе. — Но об этом сейчас не время говорить. Нам нужно вразумить этих двух стариков. Дино, тебе придется этим заняться.

Конечно. Кому же еще.

Он бросает передо мной черную папку с золотыми инициалами C&N.

— Здесь вся информация, которая может понадобиться. Попробуй сначала поговорить с ними.

Подвинув папку к себе, я быстро пробегаю глазами по содержимому. Иерархия обоих кланов, слабые и сильные стороны их бизнесов, территории и компаньоны — все это кажется такой чепухой, которая известна всем, но, может быть, способной хоть чем-то помочь. Правда, я в этом сомневаюсь.

— Я займусь этим, — произношу, чувствуя, как мышцы плеч напрягаются.

— Отлично, Нико будет твоей подстраховкой. Если что-то пойдет не так, дай ему знать. Не нужно проявлять излишний героизм. Эти двое застряли в Средневековье и пистолетом размахивают чаще, чем ходят отлить.

— Принял, — киваю я, стараясь сохранить спокойствие, хотя в груди уже пульсирует неприятное предчувствие.

— Собрание окончено, — объявляет брат, взглянув на телефон после звука сообщения.

Нико поднимается и кивает ему, направляясь к выходу тяжелым шагом. Лукас следует примеру, непривычно сдерживаясь после недавней выволочки.

— Дино, останься, — просит Марко, указывая на стул рядом с собой, и я замечаю, что голос его смягчается.

Присаживаюсь ближе. Откидываюсь на спинку кресла и смотрю на него внимательнее. Передо мной сидит не бесстрашный дон итальянской мафии, а мой старший брат — просто усталый человек с морщинками у глаз.

— Как Мили и Лия? — спрашиваю, подливая виски в наши бокалы.

— Девочки в порядке, но скучают по тебе, — говорит Марко, делая глоток из бокала. — Не планируешь вернуться в поместье?

— Чтобы дать вам с Лией больше времени друг для друга? — смеюсь я, отпивая виски.

— Да и это тоже. После отъезда отца и Элизы дом кажется слишком огромным для троих человек.

— Я всегда рад провести время с любимой племянницей, но возвращаться не планирую. О чем ты хотел поговорить? — спрашиваю я, бросая на Марко озадаченный взгляд.

— Вчера вечером звонил наш отец. В разговоре, как обычно, он выразил свое беспокойство по поводу наших слабых позиций в политике и напомнил, что ситуация требует незамедлительных действий. У меня для тебя новости — с завтрашнего дня ты начинаешь работу в правительстве в качестве сенатора.

На несколько секунд я даже не нахожу, что ответить. Слова Марко звучат как худший из возможных приговоров. Все внутри холодеет, а потом мгновенно вспыхивает раздражением. Последнее, чего мне хочется, — оказаться в роли самодовольного бюрократа, который целыми днями красуется в дорогом костюме и делает вид, будто меняет этот мир к лучшему. Но я слишком хорошо знаю Марко: он не оставляет пространства ни для спора, ни для обсуждения. В его голове все уже решено. В семье тоже.

Они выбрали меня. Значит, выбора у меня нет.